

УДК 781.7

ПЕСНИ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ КАЗАКОВ И СТАРО- ЖИЛОВ В СОБРАНИИ В.П. ЗИНОВЬЕВА

И.Н. ШКРЕДОВА

Сибирский государственный институт искусств имени
Дмитрия Хворостовского, 660049, Красноярск, Россий-
ская Федерация

АННОТАЦИЯ. Песенный фольклор русских старо-
жилов в Забайкалье неоднороден. Помимо семейского
распева, освещённого в исследовательской литературе,
здесь фиксировались обрядовые и необрядовые песни
переселенцев из разных регионов России, а также песни
забайкальских казаков. До сих пор существует проблема
публикации экспедиционных материалов Забайкалья, запи-
санных от казаков и старожилов. В настоящее время нет
работ, в которых эти песни анализируются с точки зрения
музыкальной стилистики: ритмической структуры, ладо-
вого строения, типа многоголосия. В данной статье рас-
сматриваются напевы, опубликованные в книге «Русские
песни Восточной Сибири», куда вошли экспедиционные
материалы, собранные В.П. Зиновьевым и его ученика-
ми в Забайкалье и Иркутской области с 1969 года. Это
единственное издание, в которое не включены записи
от семейских, содержит самое большое количество на-
певов забайкальских казаков и старожилов. Анализ дан-
ных напевов позволяет сделать вывод о принадлежности
забайкальского старожильского фольклора к так назы-
ваемому «единому стилю русских старожилов Сибири».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: песни забайкальских каза-
ков, старожильский фольклор Сибири, структурно-
типологический анализ, сибирская свадьба, фактура.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ. Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

SONGS BY THE TRANSBAIKAL COSSACKS AND OLD-TIMERS IN THE COLLECTION BY V.P. ZINOVIEV

I.N. SHKREDOVA

Dmitry Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts, Kras-
noyarsk, 660049, the Russian Federation

ABSTRACT. The song folklore of Russian old-timers in
the Transbaikal region is heterogeneous. In addition to the
“Semeiskie” chant, covered in research literature, ritual and
non-ritual songs by immigrants from different regions of
Russia, as well as songs by the Transbaikal Cossacks, were
recorded here. There is still a problem of publishing expe-
dition notes, taken down from the Transbaikal Cossacks and
old-timers. Currently, there are no works analyzing these
songs in terms of music style: rhythmic structure, mode,
a polyphony type. The present paper addresses the tunes
published in the book “Russian Songs of Eastern Siberia”. It
includes expedition materials collected by V.P. Zinoviev and
his students in the Transbaikal and Irkutsk regions since
1969. The only edition that does not include records from
the “Semeiskie” contains the largest number of tunes by the
Transbaikal Cossacks and old-timers. The analysis of these
melodies enables a conclusion on belonging of the Trans-
baikal old-timer folklore to the so-called “common style of
Russian old-timers in Siberia”.

KEYWORDS: songs by the Transbaikal Cossacks, Siberian
old-timer folklore, structural and typological analysis, Sibe-
rian wedding, texture.

CONFLICT OF INTERESTS. The author declares the ab-
sence of conflict of interests.

В конце XX – начале XXI вв. появляется всё больше исследований, посвящённых локальным фольклорным традициям русских старожилов Сибири. Народная музыкальная культура Сибири относится к традициям вторичного формирования; при её изучении необходимо учитывать огромное количество различных факторов. Это и история заселения края, и местные климатические, географические условия, и этнические процессы, и социально-экономическое развитие. При этом сибирская фольклорная традиция сформирована миграционными потоками из различных регионов европейской части страны. Здесь поселились и поморы, и народы Поволжья, и выходцы с южнорусских областей, и ссыльные, и работники приисков. Одну из важных этнолокальных групп старожилов Сибири (а до конца XVII века – основу русского населения Забайкалья) составляют казаки.

Традиционная культура забайкальских казаков в XX столетии стала объектом изучения историков, этнографов, культурологов, филологов. Однако этномузыкологи в большей степени привлекала музыкальная культура семейских Забайкалья – староворов, приехавших в Сибирь целыми семьями из Речи Посполитой (белорусского города Ветки; ныне это территория Гомельской области), куда раскольники бежали от государственных преследований с территорий Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской областей. В Забайкалье семейские образовали сёла и деревни на территории современных Бичурского, Мухоршибирского, Тарбагатайского и частично Хоринского, Заиграевского, Селенгинского, Кижингинского, Кяхтинского, Прибайкальского районов в Республике Бурятия; в Забайкальском крае семейские расселились по территории современных Петровск-Забайкальского, Улётовского и Красночикойского районов, а также в населённых пунктах Хилокского и Кыринского районов. В отличие от казаков, семейские не вступали в межэтнические браки и сумели сохранить до настоящего времени самобытную песенную традицию. По результатам экспедиционной работы в Забайкалье выпускались сборники песен

семейских¹, аудиозаписи на пластинках², было снято несколько фильмов³.

Другие поселения Забайкалья – в большинстве своём казачьи или со значительным влиянием казачьей культуры – долгое время оставались на периферии исследовательского интереса этномузыкологов. Поэтому наблюдения о музыкальной специфике песен забайкальских казаков или старожилов-сибиряков, появляющиеся в работах культурологов, филологов, историков, имели эмпирический характер и зачастую не сопровождались нотными примерами. Первым изданием, включающим в себя песни забайкальских казаков и старожилов, является «Фольклор Читинской области (песни, собранные В.Н. Волковым)» (Чита, 1996) [12]. В этом сборнике большинство песен (61 из 70) представлены с нотными расшифровками. Песни записаны в г. Чита⁴, в населённых пунктах Красночикойского⁵,

¹ Например, см.: [1; 2; 11; 13].

² Песни села Урлук. Традиционный фольклор семейских Забайкалья (с. Урлук, Красночикойский р-н, Читинская обл.), [Звукозапись]: [концерт]. Москва: Рус. диск, 1992; Уж вы, стары старики. Песни семейских Забайкалья в мужском исполнении (с. Большой Куналей) / Запись и аннот. В.М. Щурова, составление и монтаж Л.П. Маховой. Москва: Научно-издательский центр «Луч», 2010. Аудио компакт-диск, № 1–16;

³ Квартет семейских Забайкалья с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Бурятии. Из архива Центра русского фольклора ГРДНТ имени В.Д. Поленова. Москва, 1967. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2Kb0lNc8gdg&t=745s> (дата обращения: 27.06.2023); Песни Красного Чикоя / Редактор Е. Маликов, режиссёр Г. Бичурин. Читинское телевидение, 1970 г., <https://www.youtube.com/watch?v=exuwU3EnEgo> (дата обращения: 27.06.2023); 39); Забайкальская песня старинная / авторы сценария Т. Тищенко, Р. Филиппов, режиссер Т. Тищенко. Иркутск: Иркутсктеlevision, 1980. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9206GKK65Cs> (дата обращения: 27.06.2023)

⁴ 12 напевов: [12], песни № 1, 3, 4, 8, 15, 26, 28, 29, 36, 37, 61, 65.

⁵ 30 напевов: [12], песни № 2, 5, 7, 13, 16, 20, 21, 23, 33, 35, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 47, 50, 51, 53, 57, 58, 59, 62, 63, 64, 68, 69, 70.

Забайкальского⁶, Нер-Заводского⁷, Кыринского⁸, Приаргунского⁹, Тунгиро-Олёкменского¹⁰, Улётовского¹¹, Петровск-Забайкальского¹², Нерчинского¹³, Сретенского¹⁴ районов. Большинство записей выполнены в 1960–70-е годы, однако в Нерченском, Нер-Заводском, Сретенском районах экспедиции побывали только в 1989, 1992 и 1994 гг. соответственно. Поскольку в Красночикойском, Кыринском, Улётовском и Петровск-Забайкальском (а также Хилокском, не представленном в данном сборнике) районах проживают семейские, то можно сказать, что более 40 % сборника составляют песни данной этнолокальной группы.

Примерно такую же картину по соотношению песен семейских Забайкалья и казаков видим в сборнике «Песни забайкальских казаков» (Чита, 2011. Вып. 1 [6]; Вып. 2 [7]). В основной части и в комментариях сборника суммарно размещены 45 песенных образцов. Из них 29 песен находятся в основной части и 16 вариантов песен – в комментариях. География сборника охватывает многие районы Забайкальского края (Красночикойский¹⁵, Оловянинский¹⁶, Хилокский¹⁷, Забайкальский¹⁸, Калганский¹⁹, Нер-Заводской²⁰, Шилкинский²¹, Кыринский²², Нерчинский²³, Улётовский²⁴), отдельные записи сделаны в городах – Чите²⁵ и Улан-Удэ (Буря-

тия)²⁶; также в него вошли песни, зафиксированные в Чернышевском районе республики Бурятия²⁷ и в Австралии²⁸. Опять же, несмотря на заявленную в заглавии сборника казачью традицию, 60 % песен, входящих в его состав, было записано в районах проживания семейских. Кроме того, некоторые варианты песен (в основном размещённые в комментариях) были ранее опубликованы в сборнике «Фольклор Читинской области»²⁹.

В ситуации типичного для Сибири смешения фольклора разных этнолокальных групп переселенцев яркие черты «материковой» традиции зачастую «размываются», нивелируются. Татьяна Михайловна Зенкова, редактор, составитель сборника «Песни забайкальских казаков» и собиратель забайкальского фольклора отмечает, что песни забайкальских казаков «в основном привнесены „со стороны“, заимствованы из других российских регионов, однако существуют и собственные варианты музыкально-поэтических образцов. Все песни получили широкое распространение среди русского старожильского населения, среди потомков старообрядцев – „семейских“, которые распели их по-своему, придали им особый колорит» [6, с. 3]. Татьяна Михайловна не комментирует при этом, какие стилистические черты характерны для казачьей традиции, и каким образом «по-своему» распели их песни семейские.

В настоящее время нет работ, в которых песни забайкальских казаков анализируются с точки зрения музыкальной стилистики: ритмической структуры, ладового строения, типа многоголосия; до сегодняшнего дня не была осуществлена типологизация напевов. При публикации казачьих и старожильских песен, собранных в Забайкалье, с напевами, аналитическое описание в изданиях не включалось (см.: [6; 7; 12]).

Отметим, что в диссертационном исследовании О.Н. Судаковой, посвящённом протяжным песням Забайкалья [9], описываются особенности напевов лирических песен, однако некоторые параметры, важные для выявления музыкальной специфики песни, её строения, определения принадлежности

⁶ 6 напевов: [12], песни № 6, 25, 27, 54, 55, 56.

⁷ 2 напева: [12], песни № 9, 14.

⁸ 3 напева: [12], песни № 10, 34, 48.

⁹ 2 напева: [12], песни № 11, 24.

¹⁰ [12], песня № 12.

¹¹ [12], песня № 22.

¹² 2 напева [12], песни № 49, 60.

¹³ [12], песня № 32.

¹⁴ [12], песня № 52.

¹⁵ 16 напевов: [6], № 1, № 3 в комментариях, 4, 7, 10, 11, 12; [7], № 3 в комментариях, № 4, № 4 в комментариях, 2 напева в комментариях к № 6, № 7, № 8, № 8 в комментариях, № 15.

¹⁶ 2 напева: [6], № 2, № 13.

¹⁷ 4 напева: [6], № 3; [7], № 5, № 8 в комментариях, № 16.

¹⁸ [6], № 4 в комментариях.

¹⁹ 2 напева: [6], № 5, № 8 в комментариях.

²⁰ 4 напева: [6], № 6; [7], № 8 в комментариях, № 12, № 14.

²¹ [6], № 8.

²² 6 напевов: [7], № 2, 3, 2 варианта песни № 5 в комментариях, № 6, № 13.

²³ 2 напева: [7], № 3 в комментариях, № 11.

²⁴ [7], № 1.

²⁵ [7], № 16 в комментариях.

²⁶ [7], № 10 в комментариях.

²⁷ [6], № 9.

²⁸ 3 напева: [7], № 9, № 9 в комментариях, № 10.

²⁹ напевы в комментариях к [6] № 3, № 4, [7], № 3, 4, 5, 6, 10, 16, в основном разделе: [6], № 12, [7], № 12, 13, 14; всего 12 напевов.

к тому или иному стилистическому пласту, не приняты во внимание. Кроме того, О.Н. Судакова является одним из создателей нотных расшифровок изданного в 2006 году сборника «Русские песни Восточной Сибири» [8], а также автором статьи в этом сборнике, посвящённой специфике сибирской народной песни [10]. И хотя замечания исследовательницы относительно характера исполнения песен справедливы, только использование современных методов анализа образцов музыкального фольклора позволит выявить их музыкально-стилистические особенности.

Методология анализа музыкально-фольклорных текстов, сложившаяся в рамках структурно-типологического направления, является одной из ведущих в современном этномузыкознании. Для структурно-типологического направления базовым выступает принцип обнаружения скрытой структурной модели, позволяющий систематизировать пёстрый песенный материал, сводя его к определённым типам – ритмическим и мелодическим. Одним из ведущих представителей этого направления, определившим во многом пути его развития, стал Евгений Владимирович Гиппиус (1903–1958). Ученицей Е.В. Гиппиуса, выдающимся фольклористом Бориславой Борисовной Ефименковой была осуществлена полная ритмическая типология русского вокального фольклора [3], обозначены принципы анализа звуковысотной организации произведений музыкального фольклора, в том числе принципы описания народного многоголосия; наиболее последовательно разрабатывались проблемы жанра.

Использование единой методологии анализа позволит исследователям в дальнейшем собрать и систематизировать информацию о музыкально-фольклорных традициях русских старожилов Сибири, создать их сравнительную характеристику, а также добавить аргументы в пользу или против теории об единстве стиля народно-певческой культуры русских сибиряков³⁰.

Объектом данного исследования стал сборник «Русские песни Восточной Сибири» [8], составленный В.П. Зиновьевым. Валерий Петрович Зиновьев (1942–1983) – филолог, фольклорист, родом из Чи-

тинской области. В 1969 году он окончил филологический факультет Иркутского государственного университета, где позже стал преподавать, также работал в Иркутском государственном педагогическом институте. С 1969 года В.П. Зиновьев начал собирать фольклор в Иркутской области и в Забайкалье. И хотя основной акцент исследователь делал на жанрах устного фольклора, в частности, записывал бывальщины и былички, песни В.П. Зиновьев также фиксировал. К работе в экспедициях он нередко привлекал студентов, которых не ограничивал по сбору материала. Чрезвычайно важно, что В.П. Зиновьев внимательно относился к оформлению полевого материала: вёл картотеку, а кроме того, хранил магнитофонные записи.

Сборник «Русские песни Восточной Сибири» стал последней книгой фольклориста, опубликованной уже после его смерти. В основу сборника вошла относительно небольшая часть экспедиционных записей: в картотеке исследователя значится около 2100 песенных текстов, а в собрание было включено только 329.

Издание песен из собрания В.П. Зиновьева внесит значительный вклад в изучение музыкального фольклора Забайкалья, особенно – песен забайкальских казаков и старожилов. Сборник построен как народно-поэтический: в основном разделе размещены тексты песен, а в приложении – напевы некоторых из них, всего 59. Таким образом, по количеству напевов этот сборник не уступает упомянутым выше нотным изданиям ([6; 7; 12]). Напевы, вошедшие в его состав, были записаны в экспедициях с 1969 по 1981 годы³¹. И, что важно, из них только четыре напева зафиксированы в Усть-Удинском районе Иркутской области³², а остальные – в районах Забайкальского края, представленных в других песенных сборниках небольшим количеством песенных образцов или не представленных вовсе: Сретенском³³,

³⁰ Задачам исследования сибирского фольклора на современном этапе посвящены работы новосибирского этномузыколога Н.В. Леоновой, например: [4], [5].

³¹ Распределение по годам записи: 1969 год – № 194, 1974 г. – № 21, 38, 57, 76, 116, 160, 162, 168, 171, 190, 199, 221, 242, 285; 1975 год – № 24, 115; 1976 год – № 22, 47, 126, 128, 142, 181, 195; 1978 год – № 42, 50, 81, 84, 89, 111, 141, 148, 182, 187; 1979 год – № 32, 33, 35, 36, 164, 189, 192, 256, 307, 319, 327; 1980 год – № 85, 229; 1981 год – № 41, 45, 46, 92, 93, 99, 121, 129, 130, 131, 136, 274.

³² [8], № 50, 84, 182, 187.

³³ 12 напевов: [8], № 21, 32, 33, 35, 36, 57, 168, 171, 189, 256, 307, 319.

Нерчинском³⁴, Карымском³⁵, Шилкинском³⁶, Шелопугинском³⁷, Газимурозаводском³⁸. В этих районах проживали казаки и переселенцы из разных областей страны, а также ссыльные; однако до сих пор здесь обнаруживаются черты казачьей традиционной культуры, сохраняется память о предках-казаках. Поэтому позволим себе утверждать, что с точки зрения публикации напевов забайкальских казаков издание «Русские песни Восточной Сибири» на данный момент является самым представительным по их количественному показателю, причём отражает именно первый (хотя и весьма поздний) этап их фиксации.

В.П. Зиновьев выбрал для публикации наиболее интересные, на его взгляд, песни и распределил их по следующим разделам: «Крестьянская лирика», «Военные песни», «Песни тюрьмы и ссылки», «Песни литературного происхождения», «Песни советского времени», «Песни украинского происхождения». Также он выделил подразделы по конкретным песенным жанрам («Колыбельные», «Любовные и семейные», «Хороводные и игровые», «Плясовые», «Шуточные») или по иным признакам (так, военные песни разбиты на «Рекрутские и солдатские», «Казачьи походные», «Песни гражданской войны», «Песни Великой Отечественной войны»). Такое ранжирование песен по рубрикам отражает прежде всего их тематику. В этномузыкознании (в частности, в рамках структурно-типологического направления) принята иная жанровая классификация.

В соответствии с функционированием жанров и их содержанием нотные образцы сборника представляют такие группы песен, как: свадебные песни; хороводные, плясовые и шуточные песни, опирающиеся на стилистику плясовых; лирические песни (в том числе поздняя лирика – городской романс).

Свадебные песни.

Всего в собрании В.П. Зиновьева, согласно картотеке, содержится около 50-ти текстов свадебных песен; в рассматриваемое издание включены 32 текста³⁹, из них 10 проиллюстрированы напевами.

И хотя ход свадебного обряда в сборнике не описан, как на уровне текстов, так и на уровне напевов обнаруживается принадлежность забайкальской свадьбы к севернорусскому типу свадебного обряда (свадьба-похороны) с отдельными вкраплениями песен, характерных для южнорусских традиций. В частности, сюжеты большинства песен содержат мотивы прощания с домом, противопоставление дома невесты – дому «чужого чуженина». В тексте песни № 163 [8, с. 83] описывается обряд прощания с символом девичества – красотой, характерный для севернорусской свадьбы:

— Ты душа ли красна девушка,
Что ты рано замуж пошла?
Расплела ты свою косоньку,
Раздарила алы ленточки,
Русу косу они красили,
Ленты алые атласные.

Прощание с красотой упоминается и в других песнях⁴⁰; в некоторых же речь идет только об утрате косы или о её «раздвоении»⁴¹. В целом заметно доминирование инициационной линии в довенечной части свадьбы, что характерно для севернорусского типа обряда. Несколько выбивается из контекста песня «[Трубушка] трубила рано по заре»⁴², поскольку она, как правило, включается в повивальный цикл южнорусской свадьбы. Но записана эта песня была не от старожилов, а от уроженки Пензенской губернии 1910 года рождения. Скорее всего, песня является элементом «материковой» культуры данных новопоселенцев, чуждым для рассматриваемой старожильской традиции.

Большинство прощальных свадебных песен опирается на двухударный тонический стих с дактилической клаузулой (с формулой 2.3.2 или, реже, 2.2.2); напевы прощальных песен относятся к классу неравномерно сегментированных ритмических форм. Приведем в качестве примера песню «Берёзка, берёзонька» [8, с. 177–178] (пример 1)⁴³.

Слоговую музыкально-ритмическую форму (СМРФ) напева можно представить в виде схемы (схема 1). Она является вариантом (с аугментацией

³⁴ 11 напевов: [8], № 22, 76, 116, 126, 142, 160, 164, 181, 192, 285, 327.

³⁵ 2 напева: [8], № 24, 115.

³⁶ 8 напевов: [8], № 38, 162, 190, 194, 199, 221, 242, 274.

³⁷ 14 напевов: [8], № 41, 45, 46, 47, 92, 93, 99, 121, 128, 129, 130, 131, 136, 195.

³⁸ 8 напевов: [8], № 42, 81, 85, 89, 111, 141, 148, 229.

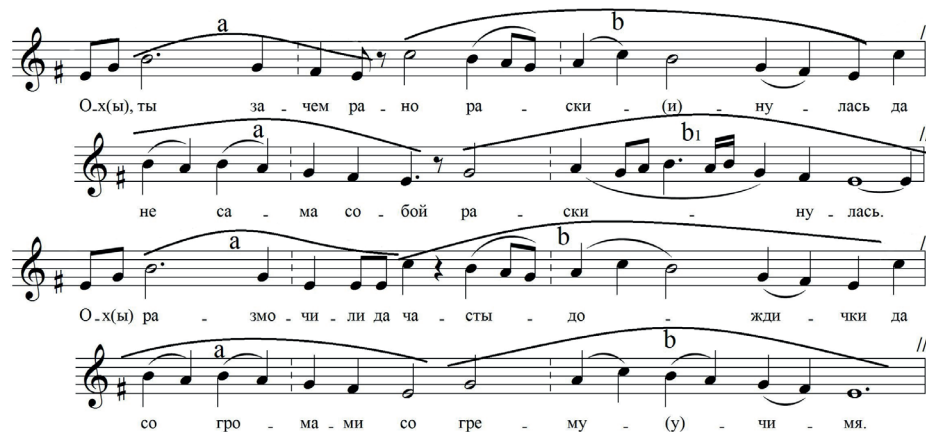
³⁹ № 162–193 [8, с. 83–94].

⁴⁰ [8], № 167, 171, 172, 173, 174.

⁴¹ [8], № 177, 178.

⁴² [8], № 179.

⁴³ Все нотные примеры приведены в соответствии с принципами аналитической нотации, позволяющими отобразить в нотной графике ритмическое строение песни.

Пример 1. «Берёзка, берёзонька»

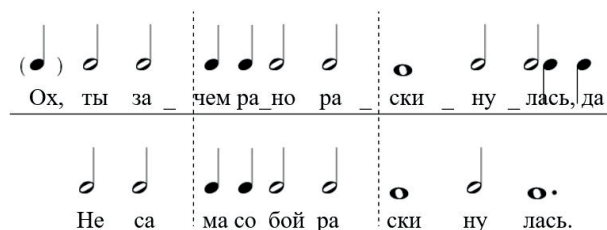

Схема 1. СМРФ напева «Берёзка, берёзонька»

всей СМРФ) одного из основных ритмических типов (РТ) прощальных песен и причитаний севернорусской свадьбы. Строфическое строение текста песни «Берёзка, берёзонька» (AB), наряду со стиховой формой, также является типичным для северных прощальных песен.

Мелодика напева строится на соединении нисходящей мелодической ячейки *a* (в объёме квинты, с оппозицией 5/3–1) и ячейки с нисходящим волнообразным контуром *b* (в объёме сексты, с оппозицией 6/4–1). Хотя большинство свадебных песен в сборнике были записаны одnogолосно, можно утверждать, что при многоголосном исполнении фактура может быть только гетерофонной (вариантная или, вероятнее, дифференцированная гетерофония).

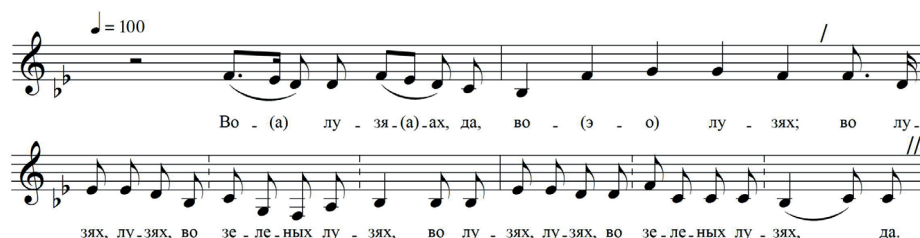
Для севернорусской свадьбы характерно противопоставление прощальных песен и песен, сопровождающих контакты двух сторон. Ту же картину мы наблюдаем при анализе напевов из собрания В.П. Зиновьева: большинство из свадебных песен, связанных с коммуникативно-обменной линией обряда, опирается на тонический стих в ритме

«Камаринской» (2.3.2–4)⁴⁴. Напевы при этом могут быть как равномерно, так и неравномерно сегментированными, но чаще встречается переход из первой формы во вторую в результате мелодического разрастания во втором музыкально-ритмическом периоде⁴⁵. В данной группе напевов встречаются также цезурированные ритмические формы⁴⁶, нетипичные для севернорусской свадьбы. Наличие подобных ритмических форм говорит о включении в забайкальскую свадьбу элементов западнорусской и / или южнорусской традиции, свадебный ритуал

⁴⁴ № 168 «При долине куст рябиновый стоял» [8, с. 178], № 171 «У Ивана-то на широком на дворе» [8, с. 179], № 190 «А мы поедem во новые да города» [8, с. 180], № 192 «Ты, соколик, соколин сын» [8, с. 180–181].

⁴⁵ Например, см. № 168 [8, с. 178], № 190 [8, с. 180].

⁴⁶ № 182 «Ой, ёвон, ёвон женихи» [8, с. 179] – цезурированный напев опирается на силлабический стих. № 189 «Катилоса ясное солнце за горья» [8, с. 180] – цезурированный напев реализуется в трюичной системе счисления: трём слоговым группам (Катилоса / ясное солнце / за горья) соответствуют две ямбо-хореические и ямбическая формулы слогового ритма.

Пример 2. «Во лужях»

которых относится к типу «свадьба-веселье». При анализе текстов, не проиллюстрированных напевами, также обнаруживаются песни, нетипичные для севернорусской свадьбы. В частности, песня «Сборная суббота настала» и близкая ей «Всё сборы мои, сборы»⁴⁷ характерны для южнорусского девишника, который проходил в доме невесты в канун свадьбы.

Таким образом, свадебные песни сборника «Русские песни Восточной Сибири» дают возможность отнести свадебный обряд Забайкалья к типу «свадьба-похороны» с включением песен, характерных для «свадьбы-веселья». Такой вариант обряда нехарактерен для «материковых» казачьих традиций, но является распространённым в сибирских традициях со смешанным населением.

Хороводные, плясовые и шуточные песни.

В сборнике «Русские песни Восточной Сибири» приведены четыре напева хороводных песен⁴⁸, девять плясовых⁴⁹ и пять шуточных⁵⁰. Все напевы хороводных песен представляют широко распространённую на русской этнической территории структуру: они опираются на стих «Камаринской»; первый ритмический период – цезурированный, складывается из слоговой группы, составляющей первую часть стиха (как правило – четырёхсложную) и её повтор, а второй период, равномерно сегментированный, опирается на полный стих. При этом во втором ритмическом периоде происходит смена счётной единицы слогового ритма, моры, на более краткую, а цезура между разделами ритмической формы нивелируется (пример 2⁵¹).

На структуру стиха «Камаринской» опираются

также некоторые плясовые песни, но ритмическая организация напевов иная. Ритмическое строение песни «Ох, у всех-то мужья добры» (№ 116 [8, с. 174]) относится к равномерно сегментированным формам с шестнадцативременным ритмическим периодом, а в песне «Ой, комаринской, комаринской мужик» (№ 129 [8, с. 175]) первый ритмический период – цезурированный, а далее при расширении слогового объёма возникает равномерная сегментация напева дополнительно к его цезурированному строению.

Моторика плясового ритма обусловила координацию любого типа стиха с равномерно сегментированными ритмическими периодами. К группе напевов с шестнадцативременными периодами, кроме упомянутой выше песни «Ох, у всех-то мужья добры», относятся «Уж вы сени мои сени» (№ 111 [8, с. 173]), «Бежал Ваня да торопился» (№ 115 [8, с. 173]), «Вот с ножки на ножку поскакиваю» (№ 126 [8, с. 174]). Встречаются среди напевов плясовых песен и цезурированные, однако нужно отметить, что, как правило, в плясовых песнях такие формы занимают промежуточное положение между цезурированными и равномерно сегментированными. Стих подобной плясовой как правило, мобилен по объёму слоговых групп; при разрастании объёма возникают стабильные ударения. Поэтому даже при сохранении стабильной цезуры структура напева может быть двойственной – цезурированной и сегментированной одновременно. Поскольку в сборнике даны краткие расшифровки напевов, мы не можем сказать о характере сегментации, возникающей за рамками приведённых нотных фрагментов, однако анализ текста показывает, что стих плясовых песен относится к группе временников; при пении должна возникать его сегментация.

К таким же «мерцающим» структурам относится большинство напевов шуточных песен сборника. Все они обнаруживают стилистическое единство

⁴⁷ [8], № 177 и № 176 соответственно.

⁴⁸ № 89, 92, 93, 99 [8, с. 171–173].

⁴⁹ № 111, 115, 116, 121, 126, 128, 129, 130, 131 [8, с. 173–176].

⁵⁰ № 136, 141, 142, 148, 160 [8, с. 176–177].

⁵¹ № 89 «Во лужях» [8, с. 171].

с плясовыми песнями как на уровне ритмической, так и на уровне мелодической организации. Исключением являются только два напева стопной сегментации, опирающихся на силлабо-тонический стих (третий пеон): «Вот приехали два брата» (№ 136 [8, с. 176]) и «Не ухаживаю я, милёнок, извиняюсь» (№ 160 [8, с. 177]).

Лирические песни.

Лирические песни представлены в сборнике самым большим количеством напевов, поскольку этот жанр является главным в жанровой системе фольклора Забайкалья. Большинство песен сборников «Фольклор Читинской области» [12] и «Песни забайкальских казаков» [6; 7] также относится к жанру лирической песни. По стилистическим признакам их можно разделить на три разновидности: традиционная лирика, лирика позднего формирования и стилистически смешанная лирика.

Под традиционной лирикой понимаются песни, в которых не обнаруживается влияние западноевропейской культуры ни на уровне стиха, ни на уровне ритмической организации напева, ни на уровне звуковысотной организации. В частности, стих традиционной песни складывается не из стоп, как литературный стих, а из малых ритмических единиц (МРЕ) иного типа – слоговых групп или сегментов. Для народного стиха нехарактерно наличие рифмы.

В ладовом строении народной песни отсутствует система тяготений, но существует система ладовых оппозиций – противопоставлений звуков. На уровне ритмического строения традиционные лирические песни обнаруживают тенденцию к разрастанию и усложнению ритмических структур под воздействием мелодического начала. Многоголосная фактура традиционной лирической песни является результатом соединения вариантов напева (гетерофония) либо выделения из гетерофонного «пучка» голосов солирующего подголоска⁵².

Песни позднего формирования обнаруживают влияние музыки западноевропейского типа как на уровне ритмического, так и на уровне звуковысотного строения. Напев нередко опирается на стопный стих (чаще всего – на третий пеон, че-

тырёхсложную стопу с ударением на третий слог). Данный стих ещё называют силлабо-тоническим, поскольку в нём строго выдерживается цезура между слоговыми группами (8+8 или 8+7 слогов), но при этом сохраняется строгая акцентная структура. Ритмическая организация напева также соответствует строению стиха – либо его делению на стопы (тип ритмического периода называется стопным), либо более крупному делению – на слоговые группы (тип напева – цезурированный). Напевы данной группы могут координироваться также с цезурированным стихом⁵³.

В плане мелодики и фактуры песни позднего формирования характеризуются преобладанием гармонического начала: нижний голос понимается как гармоническая опора созвучий, главный опорный тон чаще всего дается в октавной версии. В плане ладовой организации такие напевы отличаются расширением ладовой ячейки как вверх, так и вниз от главного опорного тона; многократная смена опорных тонов в напеве сочетается с уменьшением (или полным отсутствием) внутрислоговых распевов.

К группе песен стилистически смешанной лирики относятся образцы музыкального фольклора, в которых соединились черты традиционной и поздней лирики. Наиболее часто явления стилистически смешанной лирики обнаруживаются в песнях, опирающихся на стопный стих, но с ярко выраженной мелодикой, имеющей ведущее значение в координации стиха и напева. Под воздействием мелодики стопный стих начинает разрастаться, чему способствуют внутрислоговые распевы, словообрывы, слова-вставки. Таким образом первоначальная структура стиха нивелируется, и под воздействием мелодики образуется вторичная ритмическая структура – цезурированная. Многоголосная фактура таких песен является результатом сочетания самостоятельных мелодических линий.

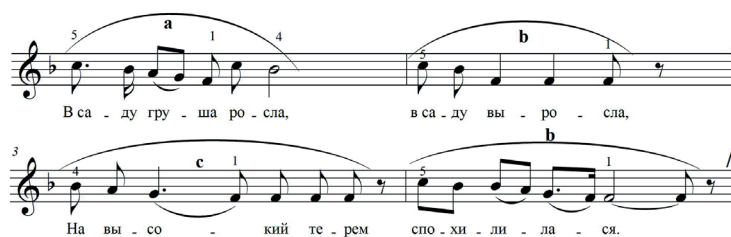
В репертуаре семейских Забайкалья были зафиксированы лирические песни всех трёх стилистических групп. Что касается казачьих и старожильческих традиций, отметим, что песни, опубликованные в сборниках «Фольклор Читинской области» [12]

⁵² Более сложные формы функционального двухголосия (термин Е.В. Гиппиуса), к которому относится гетерофония с выделенным солирующим подголоском, характерны для казачьих традиций, преимущественно донских.

⁵³ Например, «Соловей кукушку подговаривал» (№ 21 [8, с. 164]), варианты этой песни (№ 22, там же; № 24, там же), «Уж ты сад, ты мой сад, сад зелененький» (№ 41 [8, с. 167]), «Брала, брала ягоду, земляничку, ой» (№ 42 [8, с. 168]) и другие.

Пример 3. «Ты подуй-ка, да мать погодушка»

Пример 4. «В саду груша росла»

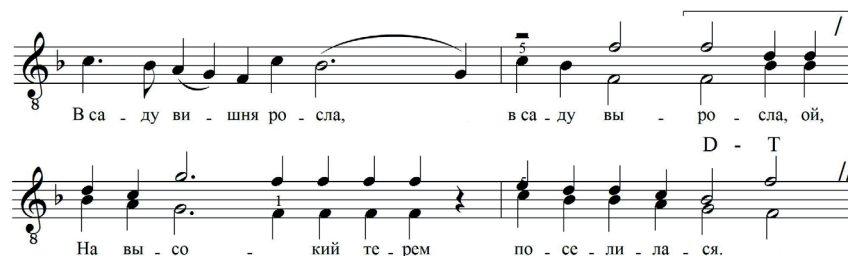
и «Песни забайкальских казаков» [6; 7] относятся к поздней лирике. Данные песни являются наиболее сохранившимся пластом фольклора; с теми или иными отличиями они фиксируются в Сибири повсеместно. В собрании В.П. Зинovieва, безусловно, также немало таких песен. Однако в сборник попали и песни более раннего стилистического пласта. Приведём в пример лирическую песню «Ты подуй-ка, да мать погодушка» (№ 32 [8, с. 165], пример 3).

В основе песни лежит стих с формулой 5+5+5: *Ты подуй, повеи / мать погодушка / раздуй ветерок*. За счет словообрывов, слов-вставок, внутрислоговых распевов объёмы слоговой группы увеличиваются, в результате образуется цезурированный напев, в котором количество слоговых групп не меняется, однако выделяется сольный запев, а формулы слогового ритма аугментируются. Мелодическая композиция песни достаточно сложная, однако при квинтовой ладовой ячейке, расширенной вниз до субквартового тона, здесь не обнаруживаются ни частая смена опорных тонов, ни признаки тональных тяготений. По строению эта

песня является образцом традиционной лирики. Сходные характеристики имеют песни «Пастушок ли да мой, пастушочек» (№ 33 [8, с. 165–166]), «Ой, что это во нашем-то во городе» (№ 38 [8, с. 167]), «Ой, дорожка моя да приукатанна» (№ 195 [8, с. 181]).

Встречаются среди песенной лирики и напевы, по строению близкие календарным: они принадлежат к классу цезурированных форм (но иногда с нетипичными для календарных песен формулами слогового ритма), в них почти не используются внутрислоговые распевы, напев является узкообъёмным (не превышает квинты). В качестве примера назовём песню «В саду груша росла» (№ 35 [8, с. 166], записанную одногласно (пример 4).

В данном напеве при квинтовой ладовой ячейке границы мелодических построений соответствуют пределам формул слогового ритма. В мелодической ячейке **a** реализуются две главные оппозиции напева: квинтового тона – основному опорному тону (5–1) и квартового тона – основному опорному (4–1). В ячейках **b** и **c** – оппозиции 5–1-и 4–1 соответственно.

Пример 5. «В саду вишня росла»

Вариант этой песни, записанной в двухголосном изложении (№ 36 [8, с. 166], обнаруживает черты поздней лирики, поскольку нижний, основной голос приобретает функции гармонической основы и при незначительном, казалось бы, варьировании мелодии ладовая основа песни меняется, проявляя признаки тональной организации. Для наглядности приведём пример данной песни на той же высоте, что и пример 4 (пример 5).

Вероятно, в данном случае именно двухголосное исполнение продиктовало изменения в мелодике песни и преобразование её ладового строения. Мы не можем говорить на данном примере о сложившемся гармоническом мышлении, поскольку большую часть напева верхний голос двигается с нижним параллельными терциями и октавами. При линейном взаимодействии голосов только в каденционной зоне иногда возникают признаки функциональных сопряжений D–T. Такой тип фактуры можно назвать дифференцированной гетерофонией поздней стилистики; она типична для песен забайкальских казаков, не нарушается даже при увеличении количества голосов, только в редких случаях в каденционной зоне вместо терции или квинты (указывающих на доминантовую функцию) может появиться трезвучие. Хотя, безусловно, в песнях забайкальских казаков довольно часто встречается и фактура аккордово-гармонического склада (наиболее поздний вариант многоголосной фактуры).

В сборнике песен, записанных В.П. Зиновьевым, немного примеров, изложенных двухголосно (всего 15)⁵⁴, но среди них встречаются напевы с гетеро-

фонной фактурой традиционного типа. В частности, практически в один голос исполняется песня «Говорели мне подружки» (№ 45 [8, с. 168]), только в каденционной зоне голоса расходятся в терцию. Важно при этом, что основной опорный тон существует только в унисонной версии⁵⁵. Напев характеризуется узкообъёмной ладовой ячейкой (квартовой). Кроме того, в выделенном запеве исполнительница обращается к приёму колорирования ступеней, то есть использует их иные высотные версии⁵⁶ (пример 6)⁵⁷.

Данная песня выступает образцом стилистически смешанной лирики: в плане звуковысотного строения и типа фактуры выявляются признаки традиционной песни, а на уровне ритмического строения – поздней, поскольку напев координируется со стопным стихом (третьим пеоном) и относится к ритмическим формам стопной сегментации.

Таким образом, среди лирических песен сборника помимо песен поздней стилистики обнаруживаются и песни других стилистических групп – традиционной и смешанной лирики.

«Русские песни Восточной Сибири», как показал анализ – уникальное издание. Это единственная

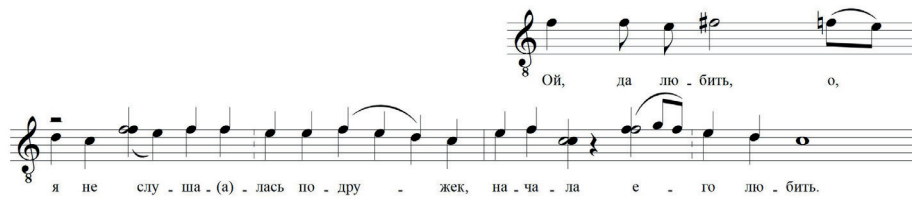
«Ой, поля, вы поля» [8, с. 182], № 242 «Заря зазарила в зеркала воды» [8, с. 182], № 256 «Осыпаясь листья осенняя» [8, с. 183], № 307 «Раз полоску Маша жала» [8, с. 184]; шуточные: № 141 «Все мы песни перепели» [8, с. 176], № 142 «Комара муха любила» [8, с. 177], № 160 «Не ухаживаю я, милёнок, извиняюсь» [8, с. 177]; свадебные песни: № 168 «При долине куст рябиновый стоял» [8, с. 178].

⁵⁵ При оформлении этого номера, вероятно, была допущена ошибка в паспорте песни, поскольку там указана только одна исполнительница. Подобные неточности фиксируются в описании нескольких двухголосных песен.

⁵⁶ Колорирование ступеней зафиксировано также в песнях № 33 «Пастушок ли да мой, пастушочек» [8, с. 165], в свадебной песне № 189 «Катилось ясное солнце за горья» [8, с. 180].

⁵⁷ В качестве примера дана вторая строфа песни, где появляется выделенный запев.

⁵⁴ Лирические песни: № 21 «Соловей кукушку подговаривал» [8, с. 164], № 22 «Соловей кукушку стал сговаривать» [8, с. 164], № 24 Калина-малина [8, с. 164], № 36 «В саду вишня росла» [8, с. 166], № 42 «Брала, брала ягодку, земляничку, ой» [8, с. 168], № 45 «Говорели, да, мне подружки» [8, с. 168], № 84 «Ой, да на нынешний ой, да денечек» [8, с. 171], № 221

Пример 6. «Говорели мне подружки»

публикация песен Забайкалья, собранных преимущественно в 1970-е годы, в которое не включены записи от семейских: все материалы относятся к казачьей и старожильской традициям. Если лирические песни поздней стилистики, а также хороводные и плясовые попадали в другие сборники, то традиционная и смешанная лирика, а также свадебные напевы Забайкалья были изданы впервые.

В диссертации, посвящённой лирическим песням Забайкалья [9], О.Н. Судакова отдельно рассматривает песни семейских, казаков и старожилов. Однако на уровне музыкальной стилистики песен невозможно сделать такого разделения. В сёлах, где работал В.П. Зиновьев и его ученики, сохранялась память о принадлежности к казачьей культуре, об отцах

и дедах-казаках. При этом население было смешанным и в быту сохранялись лишь элементы казачьей культуры. Анализ песен сборника позволяет сделать вывод о принадлежности забайкальского старожильского фольклора к так называемому «единому стилю русских старожилов Сибири» [4]. Только в песнях поздней стилистики проявляются характерные черты именно казачьих песен: широкие интервальные ходы в мелодии, большой звуковой объём, чёткое членение формы, а главное – собственно тематика песен: воинская, походная. Для более глубокого анализа старожильского фольклора Забайкалья всё ещё необходима публикация экспедиционных материалов, особенно записанных в то же время, что и песни, собранные В.П. Зиновьевым.

ЛИТЕРАТУРА

- 1/ Болонев Ф.Ф. Певцы и песни Большого Куналя. Новосибирск: Книжница, 2002. 207 с.
- 2/ Дорофеев Н.И. Русские народные песни Забайкалья: Семейский распев. М.: Советский композитор, 1989. 456 с.
- 3/ Ефименкова Б.Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М.: Композитор. Москва, 2001. 256 с.
- 4/ Леонова Н.В. О единстве стиля традиционного фольклора русских старожилов Сибири // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: Материалы Международной научной конференции. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 152–159.
- 5/ Леонова Н.В. Сравнительное изучение музыкально-фольклорных традиций русских старожилов Сибири (постановка задачи, источники) // Вестник КемГУКИ. 2018. № 45. С. 30–39.
- 6/ Песни забайкальских казаков. Вып. 1. Чита, 2011. 34 с.
- 7/ Песни забайкальских казаков. Вып. 2. Чита, 2011. 45 с.
- 8/ Русские песни Восточной Сибири. Иркутск, 2006. 252 с.
- 9/ Судакова О.Н. Русские лирические протяжные песни Забайкалья: региональная традиция: дис. ...канд. филолог. наук. Улан-Удэ, 2000. 178 с.
- 10/ Судакова О.Н. О некоторых особенностях сибирской народной песни // Русские песни Восточной Сибири. Иркутск, 2006. С. 159–163.
- 11/ Супряга С.В. Лексика русской лирической песни как поле межкультурных контактов: на материале текстов песен старообрядцев Восточного Полесья, Забайкалья («семейских») и Алтая («поляков»). Курск: КГУ, 2019. 419 с.
- 12/ Фольклор Читинской области (песни, собранные В.Н. Волковым). Чита, 1996. 86 с.
- 13/ Щуров В.М. Песни семейских Забайкалья // Русские

народные песни в многомикрофонной записи. М.: Советский композитор, 1979. С. 103–221.

REFERENCES

- 1/ Bolonev, F.F. (2002), *Pevtsy i pesni Bol'shogo Kunaleya* [Singers and Songs in the Village the Bolshoy Kunaley], Novosibirsk, 207 p. (in Russ.)
- 2/ Dorofeev, N.I. (1989), *Russkie narodnye pesni Zabai-kal'ya: Semeiskii raspev* [Russian Folk Songs in the Trans-baikal Region: the "Semeiskie" Chant], Moscow, 456 p. (in Russ.)
- 3/ Efimenkova, B.B. (2001), *Ritm v proizvedeniyakh russkogo vokal'nogo fol'klora* [Rhythm in Russian Vocal Folklore], Moscow, 256 p. (in Russ.)
- 4/ Leonova, N.V. (2008), "On the Traditional Folklore Style of Russian Old-Timers in Siberia", *Traditsionnye muzykal'nye kul'tury na rubezhe stoletii: problemy, metody, perspektivy issledovaniya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Traditional Musical Cultures at the Turn of the Centuries: Problems, Methods, Research Prospects: Proceedings of the International Scientific Conference], Moscow, pp. 152–159. (in Russ.)
- 5/ Leonova, N.V. (2018), "A Comparative Study of Music and Folklore Traditions of Russian Old-Timers in Siberia (the Problem Statement, Sources)", *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Herald of the Kemerovo State University of Culture and Arts], No. 45, pp. 30–39. (in Russ.)
- 6/ (2011), *Pesni zabaikal'skikh kazakov* [Songs of the Transbaikals Cossacks], Vol. 1, Chita, 34 p. (in Russ.)
- 7/ (2011), *Pesni zabaikal'skikh kazakov* [Songs of the Transbaikals Cossacks], Vol. 2, Chita, 45 p. (in Russ.)
- 8/ (2006), *Russkie pesni Vostochnoy Sibiri* [Russian Songs of Eastern Siberia], Irkutsk, 252 p. (in Russ.)
- 9/ Sudakova, O.N. (2000), *Russkieliricheskie protyazhnye pesni Zabaikal'ya: regional'naya traditsiya* [Russian Lyrical Plangent Songs in Transbaikals: a Regional Tradition], Cand. Sc. Thesis, Ulan-Ude, 178 p. (in Russ.)
- 10/ Sudakova, O.N. (2006), "On Some Peculiar Features of the Siberian Folk Song", *Russkie pesni Vostochnoi Sibiri* [Russian Songs of Eastern Siberia], Irkutsk, pp. 159–163. (in Russ.)
- 11/ Supryaga, S.V. (2019), *Leksika russkoiliricheskoi pesni kak pole mezhkul'turnykh kontaktov: na materiale tekstov pesen staroobryadtsev Vostochnogo Poles'ya, Zabaikal'ya («semeiskikh») i Altaya («polyakov»)* [The Text in Russian Drawling Songs as a Field of Intercultural Contacts: Based on the Lyrics by the Old Believers in Eastern Polesie, Trans-baikal ("Semeiskie") and Altai ("Polyaki")], Kursk, 419 p. (in Russ.)
- 12/ (1996) *Fol'klor Chitinskoi oblasti (pesni, sobrannye V.N. Volkovym)* [Folklore of the Chita Oblast (Songs Collected by V.N. Volkov)], Chita, 86 p. (in Russ.)
- 13/ Shchurov, V.M. (1979), "Songs of the Semeiskie of the Transbaikals Region", *Russkie narodnye pesni v mnogomikrofonnoi zapisi* [Russian Folk Songs in a Multi-Microphone Recording], Moscow, pp. 103–221. (in Russ.)

Сведения об авторе

Шкредова Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры истории музыки, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского
E-mail: irina.shcredova@yandex.ru

Author information

Irina N. Shkredova, Senior Lecturer at the Department of History of Music, Dmitry Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts
E-mail: irina.shcredova@yandex.ru